

НАШ СОВРЕМЕННИК

ГОДА полтора назад в журнале «Новый мир» был опубликован мой рассказ под названием «Место под солнцем». Публикация получила большую почту, московские школьники писали по этому рассказу сочинения, а потом ко мне поступило предложение от одного из кинообъединений написать сценарий. Фильм взялся ставить Александр Воропаев.

Воропаев, с которым мы быстро сошлись (он для меня стал попросту Сашей), так же как и я, окончил ВГИК. Только я — сценарный факультет, а он — операторский. Стоя за камерой, снял пятнадцать фильмов, но этот был первый, который он делал как режиссер.

Съемки начались на тихой, неприметной, затерявшейся среди зелени, кустов и деревьев улочке в Измайлове. Как-то мы разговорились с Воропаевым, и на вопрос, почему он оставил профессию оператора и перешел на режиссерскую работу, Саша поведал следующую историю.

Воропаев снимал «северный» фильм, повествующий о геологах.

Работали они в Коми, около Полярного круга, под Ухтой. Три месяца группа летала с прекрасным парнем, двадцатидевятилетним пилотом Анатолием Лапшиным, снимали кадры вертолетной аварии, вахтовые рейсы. Машина, которую водил Лапшин, была добротной, крепко склепанной, хотя и небольшой — вертолет «Ми-2».

Шли последние дни съемок. Стоял уже октябрь, навалило много снега, плотно, сырого. Реки и озера почернели, с севера на юг длинными бросками двигались последние перелетные птицы — лебеди-шипуны. Лебеди всегда улетают с морозами, недаром их родственниками зимы зовут — за стойкость и способность переносить холод, за слепяще-белый цвет оперения.

Третьего октября решили сделать заключительные кадры фильма. Снимать предстояло примерно с четырехсотпятидесятиметровой высоты. Кадры обещали быть красивыми. Белая, покрытая снегом тундра, темная вода рек, бирюзовый лед озер. И над всем этим медленно пролетают лебеди. Красота!

Кадры получились как раз такие, о которых мечтал оператор Саша Воропаев.

Толя Лапшин в воздухе пел. Все время пел, и песни его были ликующими, радостными. Дело в том, что перед самым отлетом из диспетчерской прибежала женщина, прокричала срывающимся голосом, едва перебивая грохот вертолетного движения:

— Лапшин! Тебе квартиру выделили! Иди скорее ордер получать!

Лапшин семь лет жил с женой и ребенком в гостинице — как сдали им в нем маленькую комнатку, так они в ней и жили.

— Спасибо за новости! — высунувшись из вертолетной «форточки», быстро прокричал в ответ Лапшин. — Магарыч обязательно поставлю... Когда вернусь из полета. — Тронул рукоять, добавил газу, и машина оторвалась от земли.

В полете Толя начал петь, а Воропаев тем временем лебедей снимал. Ему казалось даже, что стрекот камеры — именно стрекот камеры, а не грохот вертолетного движения — служит аккомпанементом к песне.

Камера, которой Воропаев снимал, была вроде бы легкой, но, заряженная пленкой, металлическими дисками кассет, руки оттягивала здорово. Поработав так на весу час-полтора — до самого вечера потом ноют руки. Да кроме того неудобство дополнительное — камера ремнями к кистям рук прикреплена, так что Воропаев невольно чувствовал себя спеленутым ребенком. Сам же он, чтобы не вывалиться на ходу из вертолетного проема, был привязан толстой веревкой к стойке. Его еще и стальная цепь страховала.

Отсняв лебедей, двинулись к поселку, предстояла еще одна съемка с воздуха. Воропаев отстегнул камеру от рук (онемели, окаянные, пальцы замерзли), отступил в вертолетный трюм.

С оператором в машине летели еще два человека: его ассистент Николай Хлобыстов — сильный, ловкий, уверенный в себе парень, бывший десантник, и администратор съемочной группы Александр Соколов — в отличие от Хлобыстова, худенький, в очках, над такими в школе всегда посмеиваются.

...Приблизившись к поселку, сделали контрольный заход, чтобы Воропаев мог сориентироваться. Саша прикинул, как и что, с какой точки, в каком ракурсе удобнее снимать, попросил:

— Толя, давай чуть пониже возьмем, план слишком мелким получается.

Лапшин, не прерывая песни, кивнул согласно, повел машину на снижение. Взглянув в лобовое стекло пилотской кабины, Воропаев увидел, что впереди тусклой слюдяной лентой, брошенной на кипенно-снежный холст, замерцала река.

В следующий миг Воропаев услышал, что звук вертолетного мотора стал иным, каким-то глухим, готовым сойти на нет. Что-то изменилось в природе, в атмосфере, в самом вертолете, а вот что именно — Воропаев не мог понять. Секунду спустя понял, в чем дело: перестала звучать Толина песня.

В воздухе во время полета человек реагирует на любую, даже самую неприметную, самую незначительную деталь — высота, сколько ни привыкай к ней, всегда

дает о себе знать. Почему Толя перестал петь?

Воропаев оглянулся и в тот же миг выкрикнул громко, испуганно, оглушая самого себя:

— Толя, что с тобой?

Лапшин лежал, навалившись грудью на рычаг управления. Головою он уперся в приборный щиток.

— Почему молчишь, Толя?

Воропаев опустил камеру под ноги (хорошо, что не успел вновь пристегнуть ее к запястью), прыгнул к Лапшину, и в ту

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ПРЕДЕЛ

же секунду страховочной цепью был отброшен назад и чуть не угодил в открытый проем.

Воропаев сбросил с себя цепь, снова кинулся к Лапшину. Тот будто почувствовал — Воропаев находится рядом, с трудом оторвал голову от щитка. Глаза его смотрели невидяще, на лбу, несмотря на холод, выступил крупный горячий пот. Но в следующее мгновение он вытянул руку, заскреб пальцами по панели, ища какой-то тумблер, выключатель, пакетник... нашел, вырубил, и голова снова ткнулась в панель...

— Толя, что с тобой?

А Лапшин уже не слышал Воропаева. На высоте четыреста пятьдесят метров работающий вертолет остался без пилота. С людьми на борту...

УЖЕ ПОТОМ, прокручивая случившееся в мозгу, словно кинолентку, рассматривая все пристально, по минутам — да какое там по минутам, по секундам! — Воропаев пришел к выводу, что Лапшин сделал невозможное, каким-то чудовищным усилием воли переключив управление на авторотацию и направив вертолет к реке. Тогда еще никто не знал, что у Лапшина в воздухе случился инфаркт.

Воропаев начал лихорадочно соображать: если он схватится за рычаг управления, то сумеет посадить вертолет или нет? Ведь он уже четыре месяца летает вместе с Лапшиным, столько раз видел, как это делается, поэтому он сумеет посадить вертолет!

Но пока они шли к воде. Вот впереди неожиданно показались скалы, лаково-черные, блестящие от наледи. Между двумя каменными выступами была натянута нитка электропровода. Высоковольтка!

— Толя, на провода наскочим! Сгорим!

Толя Лапшин оставался недвижимым, ему уже не дано было услышать когда-либо Воропаева, мир земли перестал для него существовать. Но тем не менее вертолет, вроде бы ведомый чьей-то твердой рукой, приподнялся, устремился в облака, обходя провод, и Воропаев, честно гово-

ря, не понял, проскочили они уже высоковольтовку или нет, — в следующий миг оказалось, что они уже летят над рекой, которая стремительно приближалась к ним.

Еще мгновение — и вертолет ударился о хрупкую наледь, пробил ее носом. Воропаева швырнуло в хвост, к Хлобыстову и Соколову... Сделалось тихо. Так тихо, что показалось — никаких звуков на свете, кроме тишины, больше не существует. Воропаев ударился обо что-то жесткое, закричал от боли и потерял сознание. Вертолет сразу ушел на дно, взбил облако ржавого водяного тумана и замер.

Воропаев уже почти захлебнулся, когда почувствовал, как кто-то пытается вытянуть его из вертолетного нутра, подумал равнодушно и холодно: «Хорошо, что проем не закрыт, а то бы не вытащили», потом хотел закричать: «Оставьте, я сам!» Но не закричал. Сил не было.

Его выволок на поверхность Саша Соколов, надавал по щекам, приводя в чув-

стыли, почти не шевелились, говорить было трудно.

Через некоторое время на них вывернул в легкой долбленке охотник, перевез с островка на берег, и там они втроем, обмерзшие, оглушенные, шли десять километров по скалам до поселка.

Как дошли — Воропаев не помнит, ибо очнулся он уже в больнице. И первая мысль, которая родилась у него в голове, была мучительной: а надо ли было снимать этот чертов пролет лебедей с воздуха, а? Не снимай они те кадры — ничего не случилось бы.

Терзания, сомнения, знакомые каждому из нас — если бы да кабы, но — случилось и с этим уже ничего нельзя было поделать. О разном говорили люди, обсуждая аварию, даже такой гаденький слухок прошел: Лапшин-де, утопив вертолет, просто-напросто драпанул в тайгу, там, дескать, его видели... И не просто видели, а и вещественные доказательства нашли — ботинки, оставленные им на лесном привале.

Вскоре в поселок прибыл грузовой вертолет, мощный — тот, что трактора, балки, буровые вышки на подвеске таскает. Стропами зацепили потерпевший аварию «Ми-2», выдернули из реки. Тело Толина нашли под вертолетом. Как он туда попал, каким образом — неизвестно. И не узнать никогда. Одно только ведомо Воропаеву точно: Лапшин спас ему жизнь. Ему и двум его товарищам, Соколову и Хлобыстову.

Воропаев уже больше не смог снимать: слишком тяжелой стала камера — поломанные кости не держали, аппарат вываливался из рук. Переквалифицировался в режиссеры, и вот первый фильм.

Снял он его пронзительно, щемяще-броско — иных слов не подберешь. И заметил я еще другое: работал Воропаев в новой для себя роли как-то особенно страстно, не жалея сил, не щадя нашего авторского самолюбия. Сказал бы даже, в непонятном простому смертному состоянии души.

Теперь нетрудно догадаться — он помнил Лапшина, он хотел в новом фильме утвердить его нравственные критерии, дорогие ему жизненные ценности (сюжет-то рассказа «Место под солнцем» был связан с острой нравственно-этической темой). В титрах фильма, кстати, вполне могло бы стоять посвящение Анатолию Лапшину, ибо уверен, что для режиссера человек, спасший съемочную группу, спасший и его самого, на всю жизнь остается соавтором.

Удивительная вещь — душа человеческая. Удивительна наша память... День сменяет день, а у меня из головы все не выходит рассказ Воропаева о Лапшине. Я думаю о пределе возможностей человека, неистребимой его жажде дарить жизнь другим, возвышаться над обстоятельствами. И жить — снова и снова побеждая смерть.

До земли оставалось четыреста пятьдесят метров, когда Анатолий Лапшин, огромным усилием воли переключив управление на авторотацию, направил вертолет к реке... Еще мгновение — и работающая машина осталась без пилота. С людьми на борту...

История о человеке, который помог победить смерть.

ство, потом вплавь прибуksировал на крайнюю какую-то островка.

Вытащить Воропаева было трудно: надо было не только найти его в вертолете, но и обрезать в воде веревку, которой тот был привязан к стояку. Хорошо хоть цепь Воропаев отстегнул — случайность, казалось бы, но как часто от случайностей зависит наша жизнь! Хорошо и то, что уже там, в воде, Соколов вспомнил: Воропаев за годенцем сапога всегда носил нож — совал туда на всякий случай (опять случай!), на ощупь выдернул нож у него из-за голенища, обрезаю веревку.

— Назад! — просипел Воропаев, когда очнулся. — Там же Толя остался! Назад! Голова у него была рассечена, из ушей текла кровь.

— Назад! — снова закричал он, мотая головой от боли.

Они долго ныряли в воду, обшарили весь вертолет, все его сусеки от носа до хвоста, но Толю Лапшина так и не нашли. Никто из них не мог потом сказать, сколько же времени они искали Лапшина — время не засекали, не до часов было, — но поиск они прекратили, когда поняли: искать бесполезно. С момента падения в воду прошло минут сорок-пятьдесят, не меньше. Руки, волосы, уши, щеки покрылись ледяной коркой, губы от холода за-